Лингвистическая рефлексия интенциональности словацкого медиадискурса

П. Адамка

Университет им. Константина Философа в Нитре,
Словакия, 94974, Нитра, ул. Штефаникова, 67

Для цитирования: Адамка, П. (2019). Лингвистическая рефлексия интенциональности словацкого медиадискурса. *Медиалингвистика*, 6 (1), 75–86. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.106>

На основе результатов критического анализа дискурса влиятельных словацких общественно-политических медиа рассматриваются проблемы диалогизации, коллоквиализации, тривиализации, вульгаризации, фактографичной неопределенности, инфотеймента и других проявлений преобладающих «качественных» ориентиров интенциональности современного медиатекста. Проблема интенциональности как движущей силы формирования и декодирования любого медиатекста и медиареальности как своеобразного конструкта на пересечении социальной и дискурсивной реальностей довольно сложна и разноаспектна, поэтому наше исследование ограничилось парциальной дескрипцией, толкованием и объяснением только некоторых аспектов и их языкового воплощения (на уровне лексики и синтаксиса). Особое внимание уделяется проблематике аксиологической дефектности, нарушающей идеальные, то есть в отношении медиадискурса институционально нормированные в этических кодексах, условия коммуникативного поведения. Аксиологическая дефектность медиадискурса рассматривается на двух уровнях — в отношении к «объективной» реальности и в отношении к самому тексту (процессу его порождения). Максимум журналистского профессионализма в определенной мере были всегда непостижимым идеалом, так как из-за субъективности восприятия невозможен абсолютно неидеологический выбор фактов и сама роль «творца» текста нуждается в интенциональном осмыслении. В то же время считается необходимым поставить акценты на таких качествах журналистского творчества, как непредвзятость, сбалансированность материала и взглядов, неманипулятивность, высокая профессиональная и языковая компетентность, развитое языковое чутье. Широкое распространение дефектных явлений, особенно аксиологически патологической персуазивности, так частой в наши дни, имеет для традиционной журналистики негативные последствия: провоцирует у аудитории отказ от стандартных, «классических» носителей информации в пользу альтернативных источников. В тексте приводится множество примеров из словацкой периодики, иллюстрирующих выводы, а также дан критический анализ медиатекста, демонстрирующий дефектную интенциональность, определенные стилизующие схемы освещения тематики, имплицитно детерминирующие подбор фактов, формальное, структурное и языковое оформление материала.

Ключевые слова: медиадискурс, интенция, интенциональность, персуазивность, словацкие СМИ.

Постановка проблемы. Интенция — движущая сила формирования и декодирования любого медиатекста, причем в рамках публицистического, то есть институционального, дискурса, она проявляется или может проявляться на всех

уровнях медиатекста в его комплексности: не только на уровне логической (выбор и последовательность изложения фактов и событий) и формальной (оформление и позиционирование материала) структур, но и на его языковом оформлении. Это не только сила, которая определяет «вектор прогнозируемого воздействия» и уточняет содержание и смысл [Дускаева 2012: 13], но и контекстуально обусловленное явление: с одной стороны, возможности авторского/читательского самовыражения ограничивает внутренний, лингвистический контекст (языковые нормы, исторически сложившиеся модели построения текста, когезия и др.), с другой стороны, учитываются интертекстуальность (то есть дискурсивная когеренция) и разные аспекты социальной реальности (пространство, время, объекты, процессы, события). Не стоит упускать из виду и уже сложившуюся дискурсивную практику, которая образует контекст для «своих» текстов, так как сам медиадискурс содержит «в себе» конструирующие его части контекста: социальные отношения, институциональный характер, систему знаний и убеждений, стереотипов, отношений и пр. (ср.: [Fairclough 2003: 134]). Не менее сложным вопросом является проблема де-/рекодирования медиатекста, то есть «правильное прочтение» информации адресатом в соответствии с авторской интенцией. В отношении совокупного массового адресата медиадискурс можно понимать как архетип, ограничивающий возможности социального знания и поведения. Он определяет конкретность, «точность» понятий остальных аспектов медиареальности, их интерпретацию в соответствии с опытом говорящего, связанного с конкретной коммуникативной и социальной средой (ср.: [Schneiderová 2015: 22]), и индивидуализированное восприятие медиатекста. Последнее предопределено интенцией конкретного индивида, который на основе индивидуальных и этноколлективных препозиций (культура, образование, стереотипное восприятие/отрицание стереотипа, соблюдение/отрицание общих ценностей и т. п.) может воспринимать внутритекстовую информацию полностью в соответствии с замыслом автора (акцептация), частично (трансформируя некоторые элементы «под себя») или совсем ее отвергнуть (негация).

Вопрос интенциональности текста довольно сложный и разноаспектный, поэтому в нашем исследовании сосредоточим внимание только на некоторых его аспектах, главным образом лингвистических: как интенциональность проявляется в современном словацком медиадискурсе.

История вопроса. Научное исследование медиа как специального явления в словацком языкознании имеет довольно долгую традицию, корнями уходящую к периоду формирования теории функциональной стилистики на основе пражского структурализма, особенно теорий Б. Гавранека, которые развивали в послевоенный период Ф. Травничек и М. Елинек. В словацкой лингвистике одним из первых специалистов по стилистике стал Эуген Паулины, который определил «публицистическую речь» в рамках так называемого «практического научного коммуникативного стиля» [Pauliny, Ružička, Štolc 1967]. Среди чехословацких и словацких лингвистов, которые занимались комплексным исследованием медиатекстов, следует упомянуть таких видных славистов, как Й. Хлоупек, Э. Каднар, Й. Мистрик, Й. Финдра, А. Краль, Ш. Веляс и др. (подробнее см.: [Adamka 2010: 49–50]). В настоящее время в словацкой науке можно выделить два основных подхода к исследованию медиа: журналистский и лингвистический, причем из-за общности

исследовательского объекта (медiateкст/медиадискурс) в обоих случаях наблюдаются междисциплинарные проникновения. Журналистский подход реализован преимущественно на кафедрах журналистики и рекламы, ориентирован главным образом на прагматические проблемы журналистики: теорию жанров и проблему их трансформации, техническую сторону массовой коммуникации, этические вопросы деятельности СМИ и журналистов, вопросы персуазивности рекламных продуктов и PR, общие и парциальные теории дискурса. На кафедрах языков исследование медiateкстов сосредоточивается на анализе разных языковых явлений в зависимости от конкретных научных целей: выявление языковых трансформаций (Л. Кралчак, Ю. Ванько, Л. Гузи), анализ орфоэпических явлений (А. Краль, М. Олшиак), риторических фигур (Ю. Гловня) и др. Кроме чисто лингвистического подхода, к исследованию медiateкстов словацкие филологи подходят также с позиций лингвокультурологии (Й. Сипко, И. Дулебова), политической лингвистики (Р. Штефанчик, Н. Мертова, М. Благо), ксенолингвистики (Ю. Долник, О. Оргонева), методики преподавания иностранных языков (А. Петрикова), переводоведения (Э. Деканова), компаративистики (см.: [Vaňko, Král, Kralčák 2006; Mistřík 1989; Findra 2004; Bočák 2012; Štefančík, Dulebová 2017 и др.]).

Методика исследования соответствует сформулированным целям: словацкий медиадискурс, который мы понимаем как систему принципов и правил, активно участвующую в изображении социальной реальности (ср.: [Zábrowská 2009: 80–82]), то есть в формировании медиареальности как выборочной референции объективной реальности, рассматриваем с точки зрения упрощенного критического анализа дискурса, так, как он определен Дуйсбургской школой дискурсного анализа (подробнее см.: [Cingerová, Motyková 2017: 99–100]). На основе характера целевой выборки текстов в рамках критического анализа сосредоточимся на тех методах, которые имеют прямое отношение к изучаемым лингвистическим элементам дискурса: дескрипции и компарации текстов или текстовых фрагментов, их критической интерпретации с экспланацией. В рамках лингвистического анализа опираемся также на методы функциональной стилистики и структуралистского анализа языковых явлений.

Анализ материала. Объектом нашего исследования являются словацкие общественно-политические медиа, позиционирующие себя как «создатели общественного мнения»: серьезные ежедневные газеты «Pravda», «Sme», «Denník N», «Hospodárske noviny», бульварные газеты «Nový čas», «Plus 1 deň», еженедельники «týždeň», «Téma», «Plus 7 dní», «Trend», новостные и публицистические передачи общественного телевидения и радио RTVS, новостного телевидения TA3, коммерческих телеканалов Markíza, TV Joj, новостные блоки коммерческих радиостанций, интернет-версии вышеупомянутых ежедневных газет.

Вопреки наивному представлению массовой аудитории об общественном альтруизме медиауслуг, современный медiateкст представляет собой в первую очередь коммерческий продукт, целью которого является привлечение как можно большей аудитории для повышения конкурентоспособности медиа на ограниченном рынке рекламы. Хотя появились новые технические возможности обратной связи, позволяющие создать иллюзию равноправного общения, в сущности, адресат медиапродукта остается в пассивном положении как объект потенциальной манипуляции (ср.: [Habermas 2000: 281–333]).

С коммерциализацией медиарынка на второй план ушла заинтересованность в объективном изложении фактов: интерпретирующее отражение реальности, которое всегда было индивидуально-авторским или коллективно-авторским (редакция) выборочным конструктом, «утилитарно-прагматичной картиной мира» [Гончарова 2015: 117], проникает также в конвенционально «чистые» новостные тексты (некоторые издания даже полностью отказались от информационных материалов в пользу псевдоаналитических статей, например ежедневник «N»). Их фактографическая составляющая имеет явные маркеры сознательной односторонности, обуславливающей выбор и подачу фактов, то есть наблюдается преднамеренное стремление передать не сам процесс события, а авторское представление о нем. В связи с этим меняется и роль языка как посредника между социальной реальностью и медиареальностью, а также между медиареальностью и адресатом: «...язык должен заинтересовать сам собой, вызвать у адресата эмоции, заставить его принять определенную оценку» [Schneiderová 2015: 92].

Вызвать эффект близости и социально-институционального равновесия в отношении адресанта и адресата медиатекста должна и углубляющаяся диалогизация и коллоквиализация медиаречи. В новостном потоке поддерживается виртуальная диалогичность, активно употребляются контактные маркеры, прямые обращения автора к адресату, непосредственное выражение чувств и впечатлений автора от описываемого события, описание эмоций, сопровождающих переживание автора, их потенциальное отражение (имагинация) в сознании адресата. С этим соотносится яркое преобладание репортажного модуса в новостном потоке и активное стремление влиять на эмоциональную составляющую больше, чем на рациональную. Эмоциональная нацеленность текста подчеркивается и подбором более экспрессивных средств выражения, и приближением манеры публицистической речи к неформальному языку адресата:

Mnohí však chcú veriť „hajpu“ aj preto, že Musk opakovane ukázal, že (HN, 3.–5.8.2018); Stagflácia brexitákov (HN, 11.12.2017); Richter proti regionálnej minimálke (HN, 30.4.–1.5.2018).

Часто в разговорном модусе построена целая статья, например «живой» репортаж о личном опыте работы для конспирационного новостного сайта:

<...> Veľmi som sa s tým nepáral. ... Veľké šance som tomu nedával, prišlo mi to príliš lacné. ... som opísal Rusko ako slniečkarstvu, multikultúrnu krajinu <...> Vyniká zopár najbombastickejších textov, postavených na osvedčených témach <...> Postupne som začal pritvrdzovať. Napísal som hardcore skrz-naskrz vymyslený článok, ... <...> ...som si myslel, že opublikujem ešte niekoľko takýchto článkov, vygradujem ich do totálneho absurdna, vymyslím si slovanských predkov Elona Muska a navždy zdiskreditujem Hlavné správy spôsobom, ktorý už nerozchodia. <...> bolo cítiť, že si uvedomuje, že si nemôže dovoliť publikovať úplné bludy. <...> už v tomto bode ma mal poslať do kelu a v živote mi tam už nič neuverejniť. <...> Od skutočných spravodajských webov sa líšia hlavne v tom, že tlačia dookola zopár rovnakých tém, cez ktoré vizualizujú svoju fatamorgánu o Slovensku... <...> V oblasti „nízko visiaceho ovocia“ hejtv, konšpirácií a hoaxov sa podarilo urobiť pokrok... <...> teraz síce dostali frčku do nosa s hoaxom o moslimskom „majorovi“, ale to spôsobí, že do budúcnosti budú interne paranoidnejší. <...> prvoplánové bludy <...> Aké parametre a kritéria by mali spĺňať seriózne noviny a čo odlišuje poctivú novinárčinu od obsahu náhodného webového portálu alebo od politicky servilného plátku. (Jakub Goda: Pod falošným menom som písal hoaxy pre Hlavné správy, N, 15.1.2018).

Кроме разговорных просторечных конструкций наблюдаем, особенно в устной речи модераторов, очень широко распространенные замены видо-временных глаголов: сложная форма будущего от глагола несовершенного вида предпочитается простой форме глагола совершенного вида: *budeme sa sústrediť* («мы будем сосредоточиваться»), *budeme sa vidieť* («мы будем видеться») вместо *sústredíme sa* («мы сосредоточимся»), *uvidíme sa* («мы увидимся»); форма глагола настоящего времени употребляется в роли будущего времени: *vidíme sa* («мы видимся») вместо *uvidíme sa* («мы увидимся») и др.

С определенной «неканоничностью» реализации конкретного опосредствованного содержания возникает большая вероятность коммуникативных шумов, сбоев в декодировании медиальной реальности на стороне адресата, так как чрезмерная коллоквиальность и экспрессивность могут заставить понимать данное сообщение в ином ключе — тривиальном, вульгарном, ироническом — или даже способствовать возникновению у адресата негативного отношения к самому тексту, его автору, изданию. Между тем тривиализация, вульгаризация события может полностью совпадать с авторской интенцией, то есть автор преднамеренно хочет вызвать негативное отношение к определенному факту, событию с целью утилитарных, например идеологических, целей, внушить адресату определенную позицию и пр.:

Fico znova imituje muža činu <...> ... ministerka Lubyová netúžila pred Vianocami verejne povedať, že premiér len tak tára ... Po prehratých župných voľbách môže predsedu vlády rajcovať predstava, že krajom zoberie z pomsty školy, ... (N, 19.12.2017).

Viera Tomanová perlila v parlamente. <...> Táto žena je obrnená nekonečnou dávkou ignorancie. Treba si položiť otázku, ako sa do jej hlavy dokáže vpratať toľko tuposti. Je to zázrak hodný vedeckého preskúmania. Normálny človek by sa potom, čo si od niektorých poslancov musela vypočuť táto neohrozená „ochrankyňa“ detských práv (ale aj práv svojej vydarenej dcéry), okamžite skryl do najbližšej diery. Ona nie. Naopak, kopala do svojich kritikov ako zmyslov zbavená. (N, 26.6.2017)

Своеобразную содержательную «неопределенность» словацкого медиадискурса подчеркивает и широко распространенное употребление модальных маркеров неопределенности: *zrejme, asi, pravdepodobne, možno, vraj, vraví sa, údajne, evidentne, očividne, mal by* («может быть», «по-видимому», «очевидно», «правдоподобно», «говорят») и других, которые могут быть восприняты не только как признак потенциальности факта, но и в эпистемологическом ключе — как фактор выражения оценки данного факта.

В выборе отображаемых фактов социальной действительности отражается вечно актуальная императивность постоянного развлечения, являющаяся также одним из факторов, критериев подбора социальных событий для обнародования: выбираются факты не по своей значимости, а по их креативному и развлекательному потенциалу, позволяющему осмыслить данное событие как можно динамичнее и привлекательнее (infotainment). Поэтому даже в серьезных изданиях и передачах сегодня не скрыться от тематики, которая раньше была характерна только для бульварных изданий:

Zabíja a týra hladom, v noci spokojne spáva (заголовок статьи о сирийском президенте) (N, 7.–9.4.2017); *Nenabehnú kukláči, na väzbu nevidia dôvod* (об отмене амнистии) (N, 7.–9.4.2017).

Ставка на эмоциональность находит свое отражение и на лексическом уровне языка, причем не только в широком употреблении экспрессивной лексики — адъективной и адвербиальной с положительной или отрицательной семантикой, но и лексики контекстуально (в широком смысле) обусловленной, например в ироническом употреблении прецедентных феноменов и других интертекстуальных явлений (см.: [Dulebova 2015]):

Ján Langoš nechcel, aby sa skutok nestal (N, 15.6.2017)

Kotlebovo Waterloo (HN, 6.11.2017)

Trump prežíva svoj vlastný Watergate. Kvôli Rusom (N, 22.5.2017)

Zákazom slov k trvalému blahobytu a lepším zajtrajškom! (N, 21.4.2017)

Экспрессивность медиадискурса проявляется также на уровне синтаксиса: в словацких медиатекстах доминируют повествовательные двусоставные предложения (в словацкой грамматике к таким относятся и определено-личные и неопределено-личные предложения, так как наличие выраженного подлежащего у глагольного сказуемого считается факультативным), сложные сочинительные (всех типов, предпочтение отдается союзным) и подчинительные предложения (преимущественно объектные, атрибутивные и адвербиальные — каузальные и локативные), с целью создания градации широко употребляются конструкции с однородными определениями. В заголовках часто наблюдается употребление именных предложений, предложений восклицательной и вопросительной модальности, эллиптических конструкций (особенно катафорического типа). Экспрессивность текста иногда достигается за счет инверсированного порядка слов, обособления членов предложения или его парцелляцией. В отличие от русского языка, довольно редко употребляются причастные и деепричастные обороты, так как они в словацком языке считаются устаревшими, их употребление привносит оттенок нестандартности.

Результаты исследования. Аксиологическая дефектность. По Ю.Хабермасу, каждое инструментальное или стратегическое поведение (в том числе медиадискурс) нарушает идеальные условия коммуникативного поведения с точки зрения понятности, истинности, правильности и достоверности высказываний и акторов коммуникативного акта (ср.: [Habermas 2000]). С точки зрения профессиональной этики многие из перечисленных выше аспектов медиадискурса можно отнести к проявлениям аксиологической дефектности. Это может проявляться на двух уровнях: 1) в отношении к «достоверности» отображения «объективной» реальности; 2) в отношении к самому тексту.

Первый полностью обусловлен интенцией медиатекста, так как имеется в виду преднамеренное нарушение актуальных ценностных максим медиадискурса: объективности, непреднамеренности, неодносторонности, фактографической точности, которые легли в основу всех этических журналистских кодексов. Эти максимы всегда были недостижимым идеалом, так как из-за субъективности не может быть реализован абсолютно неидеологический выбор фактов [Osvaldová a kol. 2005: 13] и сама роль «творца» текста нуждается в интенциональном осмыслении. В то же время необходимо поставить акценты именно на таких качествах профессионализма, как непредвзятость, сбалансированность материала и взглядов, неманипулятивность.

Дефектность по отношению к тексту возникает из-за противоречия между личными качествами автора текста и требованиями к профессионализму, качеству медиатекстов: проявления недостаточных знаний и компетенций журналиста, нарушения языковых и формальных норм, недостаточного языкового чутья и др. (конкретные примеры см.: [Адамка 2016]).

Широкое распространение этих явлений, особенно аксиологически патологической персуазивности, имеет для традиционной журналистики негативные последствия: провоцирует у аудитории отказ от стандартных, «классических» носителей информации в пользу альтернативных источников разного качества.

Попробуем проанализировать на примере одной статьи из ежедневника «Denník N» от 7 апреля 2017 г. некоторые признаки патологической персуазивности.

Взятое для анализа издание — ежедневник либеральной направленности, представляет собой нестандартный тип издания, так как его концепция характерна более для еженедельника: за исключением 3–4 заметок из телеграфного агентства, в нем нет информационных жанров в чистом виде, публикуются только авторские материалы. В редакции свой набор «специалистов» по конкретной тематике (понятие «специалисты» отражает не качественный признак, а тематическую специализацию). В текстах динамическая семантика события (ср.: [Неупокоева 2011]) доминирует над семантикой факта, фактографические данные используются чаще всего в виде репортажа о событии. Исходя из анализа текстов по тематическим срезам, можно утверждать, что, хотя, может быть, и негласно, в издании существуют определенные схемы освещения конкретной тематики, которые имплицитно детерминируют подбор фактов, формальное, структурное и языковое оформление материала: в отношении некоторых акторов и событий постоянно подчеркиваются отрицательные аспекты, поступки интерпретируются упрощенно как злые намерения, имена оппонентов становятся олицетворением всех плохих качеств, в то же время есть лица и события, которые отображаются всегда в положительном ключе, часто в плане противопоставления «мы» — «они».

«Ak nebudeš spolupracovať, v byte ti nájdeme drogy» («Rusko je hybridný režim, moderná verzia autokracie, ktorá nemá vždy všetko pod kontrolou», — vravia ruskí politológovia po masívnom zatýkaní demonštrantov).

В качестве заголовка репортажа о протестах оппозиции в России употребляется яркая цитата без автора, который раскрывается в тексте статьи. Подзаголовок тоже оформлен в виде цитаты обобщенного автора, которая дополняет стереотипный для данного издания образ России как диктаторской страны. Этой интенции соответствует явно односторонний подбор источников информации:

...opísal ruským novinárom Novaja Gazeta aktivista opozičného mládežníckeho Jabloka; V strane sú presvedčení, že jeho (lídra ml. Jabloka — Kirilla Borbu) prenasledovanie má politický charakter; ...zatknutí demonštranti rozprávali; Zverejnil ho protikorupčný bloger Navalnyj; ...povedal pre Denník N ruský politológ Andrej Kolesnikov z moskovského Carnegieho centra; ...povedala denníku N jedna z najcitovanejších ruských politologičiek Ekaterina Šulman; ...zahraníčnopolitický expert a novinár Tim Marshall; ...ruský komentátor agentúry Bloomberg Leonid Beršidskij; cituje Jekaterinu Vinokurovu, ktorá píše o tomto systéme, ktorý je bez spravodlivosti a spoločenského výťahu, na stránke Znak.com.

Необходимо подчеркнуть, что эти же политологи и комментаторы (с положительно оценочными определениями — эксперт, выдающийся специалист, на которого все ссылаются, и т. д.) входят в постоянный штат специалистов этой газеты, по мере надобности дают оценку любым аспектам российской политической жизни. Иногда в качестве источника информации выступает неидентифицированная масса специалистов:

...čo je podľa viacerých pozorovateľov jasná pomsta; Americké voľby boli súťažou medzi Hillary Clintonovou, ktorú Putin podľa znalcov nenávidí; Ak sa na niečom prominentní ruskí politológovia zhodnú...

Высказывания «многих наблюдателей» и «знатоков» должны придать освещаемым событиям больше достоверности, хотя на самом деле можно говорить только об иллюзии цитаты, через которую выражается мнение самого автора. В статье наблюдаем и широкое применение эвиденциальных модальных маркеров:

Údajný finančný podvod; ...ktorému zrejme neumožnia kandidovať; ...zatkli by ich zrejme hneď pri výstupe z metra.

В приведенном фрагменте слово «якобы», казалось бы, нивелирует значимость преступлений одной из сторон, но в то же время несколько раз употребленные «очевидно», «бесспорно» только подчеркивают необратимость репрессий со стороны власти и предопределяют будущее:

...voľby nie sú v skutočnosti voľbami, ale slúžia len na vyvolanie dojmu demokratickej súťaže a legitimity. Nič iné sa neočakáva ani v roku 2018, keď by sa mali odhrať prezidentské voľby.

В описании актуальной действительности наблюдаем логические противоречия, когда содержание одного абзаца нивелирует содержание другого (беспокойство режима — стабильность элит):

Fotografie zo zatýkania najmä mladých nahnevaných ľudí, či 15 dní väzenia pre opozičného lídra Alexeja Navalného ukazujú, že režim prezidenta Vladimíra Putina je nervózny. <...> O tom, že Putina a jeho elity sa cítia stabilne, svedčí podľa neho ich pripravenosť ešte pritvrdiť represie, aby sa udržali pri moci.

В целях повышения экспрессивности, получения более яркой медиакартины часто употребляется очень упрощенное описание более сложных, многосторонних и комплексных ситуаций и явлений, например:

Voči kritickým mimovládkam sa prijal zákon, ktorý ich označuje stalinistickým hanlivým výrazom zahraniční agenti; Keď sa punkerky Pussy Riot vysmievali Putinovi v moskovskom chráme, a vyzývali Bohorodičku, aby sa ho zbavila, skončili vo väzení.

В связи с упрощением логических выводов часто используется фактографически дефектная аргументация: особенно часто наблюдаем каузальный обман, то есть совмещение временных, хронологических отношений с каузальными, выстроенное

по логике *argumentum post hoc, ergo propter hoc*: если два феномена появляются одновременно, то второй непременно результат первого [Cingerová, Motyková 2017: 95]:

«...Je to ako amatérska dráma v domove pre seniorov», — rozpráva Šulman o blížiacich sa prezidentských voľbách, v ktorých by kandidoval Putin už po štvrtýkrát, čo mu umožnila zmena ústavy a výmena na poste s premiérom Dmitrijom Medvedevom.

Употребление каузального переноса находим и в других текстах, например:

Hovorcom Kremľa sa stal oficiálne v roku 2012, keď Putin po zmene ústavy tretí raz vyhral voľby (N. 22.4.2016).

Stalin láme vďaka Putinovi rekordy <...> Pre historikov je tyranom... Po anexii ukrajinského polostrova Krym a ruskom bombardovaní Sýrie je jeho popularita najvyššia za posledné desaťročie (N. 14.1.2016).

Naháňa strach aj v Kremli <...> Keď ruská polícia minulý rok zatkla člena jeho lojálnych jednotiek (známych ako kadyrovci) ako hlavného podozrivého z účasti na vražde opozičného lídra Borisa Nemcova, Kadyrov označil zadržaného Zaura Dadajeva za skutočného patriota Ruska. Vzápätí dostal od ruského prezidenta vyznamenanie (N. 20.1.2016).

Информация в газете «Denník N» часто дана в аксиоматическом модусе, как самодостаточный факт, который уже не подлежит верификации:

Putinova vláda zaplavila Západ toľkými špiónmi, že v Británii ich je dnes viac ako počas studenej vojny. Putinova vláda sa mstí v zahraničí a podľa všetkého zavraždila množstvo oponentov — vrátane novinárov, aktivistov a politických lídrov — aj doma. Ruská anexia Krymu v roku 2014 znamenala prvé jednostranné zabratie územia v Európe po roku 1945. Ruskí vojaci intervenujú na východe Ukrajiny, bezohľadne bombardovali civilistov aj rebelov v sýrskom Aleppe a brutálne zasiahli tak za hranicami — v Gruzínsku -, ako aj doma v Čečensku (N. 10.2.2017).

Судя по манере аргументации в проанализированных текстах, можно сделать вывод, что газета позиционирует себя в роли «проповедника единой правильной истины», обличает и высмеивает оппонентов и инакомыслящих. Хотя она официально декларирует разнообразие либеральных мнений, для нее характерно черно-белое отображение мира. Можно констатировать, что это газета с точно определенной аудиторией: ее читатель не требует новой информации, читательская интенция — утверждение своего, уже сложившегося образа мира.

Выводы. Интенция — доминантная движущая сила формирования и декодирования любого медиатекста, сила, которая определяет не только его содержательную, формальную и языковую сторону, но и в определенной степени его восприятие аудиторией. Целевая установка текста в медиа достигается не только посредством языка, но и другими его системными составляющими, так как мы имеем дело с поликодовой нелинейной системой, «в которой вербальная, визуальная, аудиальная составляющие (начала) не существуют в отдельности, всегда образуя неповторимую “ансамблевую целостность”» [Шестакова 2015: 51].

Объективная и дискурсивная реальности, трансформируемые в конструкт медиареальности конкретного издания, который строится в соответствии с концепцией издания и интенцией автора как своеобразного «фильтра», могут быть отвергнуты адресатом в результате его субъективных предпосылок, в случае несовпаде-

ния аксиологических составляющих коммуникаторов и в случае патологичной, то есть повторяющейся, аксиологической дефектности отражающих их медиатекстов. Предотвратить медленную агонию классических традиционных медиа можно также при помощи активного развития критики медиаречи в русле медиалингвистики как междисциплинарной науки.

Литература

- Адамка, П. (2016). «Лидер российской оппозиции» в словацком медиапространстве. *Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа*, 161–162.
- Гончарова, Л. М. (2015). Коммуникативные возможности рекламных текстов: прагматический аспект. *Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа*, 116–121.
- Дускаева, Л. Р. (2012). Интенциональность медиаречи: онтология и структура. В *Медиатекст как полиинтенциональная структура* (с. 10–16). СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Неупокоева, О. В. (2011). Газета как речевая система. В *Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры* (с. 123–145). СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Шестакова, Э. Г. (2015). Медиатекст и медиалингвистика: бифуркация отношений. *Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая коммуникация в массмедиа*, 50–55.
- Adamka, P. (2010). *Ruská publicistika (história, štýl)*. Nitra: UKF.
- Bočák, M. (2012). Diskurz — koncept kritický: nerefektované riziká používania výrazu mediálny diskurz. *Jazyk a kultúra*, 10. Retrieved from http://www.ff.unipo.sk/jak/10_2012/bocak.pdf.
- Cingerová, N., Motyková, K. (2017). *Úvod do diskurznej analýzy*. Bratislava: UK.
- Dulebová, I. (2015). *Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka*. Bratislava: UK.
- Fairclough, N. (2003). *Analysis Discourse: Textual analysing for Social Research*. London: Routledge.
- Findra, J. (2004). *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta.
- Habermas, J. (2000). *Strukturální přeměna veřejnosti*. Praha: Filosofia.
- Mistrík, J. (1989). *Štylistika*. Bratislava: SPN.
- Osvaldová, B. a kol. (2005). *Zpravodajství v médiích*. Praha: Karolinum.
- Pauliny, E., Ružička, J., Štolc, J. (1967). *Slovenska gramatika*. Bratislava: SPN.
- Schneiderová, S. (2015). *Analýza diskurzu a mediálny text*. Praha: Karolinum.
- Štefánčík, R., Dulebová, I. (2017). *Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnéj štruktúre spoločnosti*. Bratislava: Vydavateľstvo EKONÓM.
- Vaňko, J., Král, A., Kralčák, L. (2006). *Jazyk a štýl súčasnej slovenskej publicistiky*. Nitra: FF; UKF.
- Záborská, K. (2009). *Variace na gender. Poststrukturalizmus, diskurzívni analýza a genderová identita*. Praha: Academia.

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2018 г.;
рекомендована в печать 16 декабря 2018 г.

Контактная информация:

Адамка Павол — канд. филол. наук; padamka2015@gmail.com

Linguistic Reflection of the Slovak Media-Discourse Intentionality

P. Adamka

Constantine the Philosopher University in Nitra,
67, Stefanikova, Nitra, 94974, Slovakia

For citation: Adamka, P. (2019). Linguistic Reflection of the Slovak Media-Discourse Intentionality. *Media Linguistics*, 6 (1), 75–86. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.106> (In Russian)

On the basis of critical discourse analysis results of Slovak sociopolitical media, we study some its aspects: conversationalization, colloquialization, trivialization, vulgarization, fact uncer-

tainty, infotainment and other manifestations of the prevailing “qualitative” reference points of the today media text intentionality. An intentionality problem as the main force of creation and decoding of any media text or media reality, as a peculiar construct on crossing of social and discursive realities, is quite difficult, therefore our research was limited to partial description, interpretation and explanation only of some aspects, mainly its language realization (on lexicon and syntax). The special attention is given over to the axiological deficiency of ideal maxims, which in the case of media institutional discourse are in ethical codes defined as communicative behavior. We consider axiological deficiency of media discourse at two levels — in the attitude towards “objective” reality and in relation to the text (a process of its creation). Maxims of journalistic professionalism in a certain measure were always an incomprehensible ideal: because of a human factor, there can’t be an absolutely non-ideological choice of the facts, and the role of the text “creator” needs intention judgment of his activity. It is considered necessary to put an accent on creativity as impartiality, a balance of facts, materials and views, no manipulation, high professional and language competence, accurate language feeling. The repeating of the defective phenomena, especially today very frequent axiological pathological persuasion, has negative consequences for traditional journalism: evoke with audience deny of standard, “classic” newsmakers in favor of alternative sources. We present a few examples from the Slovak periodical press illustrating our conclusions, and also a quite detailed critical analysis of the one media text on which we illustrate some identification moments of defective intentionality.

Keywords: media discourse, intention, intentionality, persuasion, Slovak mass media.

References

- Adamka, P. (2010). *Ruska publicistika (historia, styl)* [Russian Journalism (history, style)]. Nitra: UKF.
- Adamka, P. (2016). “Lider rossiiskoi oppozitsii” v slovatskom mediaprostranstve [The leader of the Russian Opposition in the Slovak Media]. *Medialingvistika, 5. Iazyk v koordinatah massmedia* [Media linguistics. Is. 5. Language at coordinates of mass media], 161–162. (In Russian)
- Bocak, M. (2012). Diskurz — koncept kriticky: nereflektovane rizika pouzivania vyrazu medialny diskurz [Discourse — A Critical Concept: Unreflected Risks of Using the Phrase “Media Discourse”]. *Jazyk a kultura* [Language and culture]. Retrieved from http://www.ff.unipo.sk/jak/10_2012/bocak.pdf.
- Cingerova, N., Motykova, K. (2017). *Uvod do diskurznej analyzy* [Introduction to Discourse Analysis]. Bratislava: UK.
- Dulebova, I. (2015). *Precedentne fenomeny susasneho ruskeho jazyka* [Precedential phenomena in current Russian Language]. Bratislava: UK.
- Duskaeva, L. R. (2012). Intentsional’nost’ mediarechi: ontologiya i struktura [Media speech intentionality: ontology and structure]. *Mediatekst kak poliintentsional’naya struktura* [Media text as multi intentional structure] (pp. 10–16). Saint Petersburg: Izd-vo SPbU. (In Russian)
- Fairclough, N. (2003). *Analysis Discourse: Textual analyzing for Social Research*. London: Routledge.
- Findra, J. (2004). *Štylistika slovenčiny* [Stylistics of Slovak Language]. Martin: Osveta.
- Goncharova, L. M. (2015). Kommunikativnye vozmozhnosti reklamnykh tekstov: praksiologicheskii aspekt [Communicative Potential of Advertising Texts: Praxeological Aspects]. *Medialingvistika 4. Professional’naya rechevaia kommunikatsiia v massmedia* [Media linguistics. Is. 4. Professional speech communication in mass media], 116–121. (In Russian)
- Habermas, J. (2000). *Strukturalni premena verejnosti* [The Structural Transformation of the Public Sphere]. Praha: Filosofia.
- Mistik, J. (1989). *Štylistika* [Stylistics]. Bratislava: SPN.
- Neupokoeva, O. V. (2011). Gazeta kak rechevaia sistema [Newspaper as speech system]. In *Russkaia rech’ v sredstvakh massovoi informatsii. Rechevye sistemy i rechevye struktury* [Russian speech in mass media. Speech systems and speech structures] (pp. 123–145). Saint Petersburg: Izd-vo SPbU. (In Russian)
- Osvaldova, B. et al. (2005). *Zpravodajství v médiích* [News in mass-media]. Praha: Karolinum.
- Pauliny, E., Ruzicka, J., Stolc, J. (1967). *Slovenska gramatika* [Slovak grammar]. Bratislava: SPN.
- Schneiderova, S. (2015). *Analýza diskurzu a mediální text* [Discourse analysis and media-text]. Praha: Karolinum.

- Shestakova, E. G. (2015). Mediatekst i medialingvistika: bifurkatsiya otnoshenii. [Media text and media linguistics: bifurcation relations]. *Medialingvistika, 4. Professional'naya rechevaya kommunikaciya v massmedia* [Media linguistics. Is. 4. Professional speech communication in mass media], 50–55. (In Russian)
- Stefancik, R, Dulebova, I. (2017). *Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnej štruktúre spoločnosti* [Language and Politics. Political Language in Conflict Structure of Society]. Bratislava: Vydavateľstvo EKONÓM.
- Vanko, J., Kral, A., Kralcak, L. (2006). *Jazyk a štýl súčasnej slovenskej publicistiky* [Language and style of Slovak mass-media]. Nitra: FF UKF.
- Zabrodská, K. (2009). *Variace na gender. Poststrukturalizmus, diskurzivní analýza a genderová identita* [Gender Variations. Poststructuralism, discourse analysis and gender Identity]. Praha: Academia.

Received: November 15, 2018

Accepted: December 16, 2018

Author's information:

Pavol Adamka — PhD; padamka2015@gmail.com